

СВОЕОБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ

**Валентина
ТЕПЛОВА,**
кандидат
исторических
наук, доцент

Православие пришло на белорусскую землю вместе с крещением всей Руси в конце X века... «В лето 990... – говорится в Густынской летописи, – Владимир раздели Русскую землю на 12 княжений, сынам своим двенадцатим; во первых, посади на великом княжении Новгородском старейшаго сына своего Вышеслава, в Полоцке – Изяслава... Посла же с ними и священники, заповедавая сыном своим, да каждо по всей области своей повелевает учить и крестить людей, и церкви ставити; еже и бысть» [1].

Однако традиция древнерусских преданий связывает начало распространения слова Божия на белорусских землях еще с апостолом Андреем. Не исключено, что задолго до официального принятия новой религии уже во второй половине IX – середине X века христианство было известно на территории древней Беларуси. Участвуя вместе с дружинами русских князей в походах на Константинополь, ее воины не только знакомились с достижениями византийской цивилизации, но и усваивали вместе с ними основы православия. Источником знакомства населения древней Беларуси с христианством могла быть и Скандинавия, связи с которой были достаточно оживленные. Вполне вероятно, что полоцкий князь Рогволод и его семья благоприветствовали христианской вере, а в столице княжества имелись христианские храмы.

Прямых свидетельств первых шагов христианизации Беларуси нет. Не сохранилась «Полоцкая летопись» – важнейший источник по истории Полоцкой земли, в котором могли быть сведения о ее крещении. Каким образом происходило свержение языческих богов, сопровождало ли принятие христианства на белорусских землях крещение огнем и мечом, как это

было на первом этапе в Киеве и Новгороде, неизвестно. Возможно, ход событий смягчило то, что характер полоцкого князя Изяслава, с именем которого связано начало распространения христианства, отличался необычайной для того сурового времени мягкостью и терпимостью. «Бысть же сей князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращался от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпив», – рассказывает Никоновская летопись о родоначальнике полоцких Изяславичей [2, с. 68]. По-видимому, в таком же духе действовало и прибывшее с ним духовенство. Уже в 992 году возникла Полоцкая епархия, третья по счету после Киевской и Новгородской. Кроме нее на белорусских землях существовали Туровская, основанная в 1005 году, и Смоленская (1137) епархии, границы которых совпадали с границами этих княжеств. Есть основания считать, что к концу XI века древняя Беларусь была православной, даже с учетом более медленных темпов утверждения христианства в среде сельского населения [3, с. 22].

Чем же можно объяснить такое быстрое и мирное распространение христианства на белорусских землях? Скорее всего, тем, что среди ее правящих и просвещенных кругов, как и среди широких народных масс, было немало людей, чьи умы и сердца оказались покоренными духовными и моральными доктринами православия. Возможно, многих из них вдохновлял пример первых апостолов христианства, последовавших указанию их Господа и отправившихся проповедовать Евангелие всем народам.

Говоря о причинах принятия христианства по православному обряду, нельзя забывать, что Византийская империя в IX–XI веках находилась в зените духов-

ной жизни не только Востока, но и Запада. Константинополь имел тогда несомненное первенство в культуре. Ни один другой город не мог с ним соперничать. Его блеск оказывал могучее влияние на народы, живущие не только у границ империи, но и далеко за ее пределами, в том числе и на славян, которые считали Царьград центром мира. Рассказ летописца Нестора о сильнейшем впечатлении, которое произвело на послов киевского князя Владимира великолепие православной литургии в константинопольском храме Св. Софии, объективно передает эти ощущения современников.

Христианизация русского народа явилась сильным унифицирующим фактором. До этого Русь не была единой политически и духовно, чему препятствовали полиархия князей и языческий политеизм. Поэтому русские летописцы считали крещение князя Владимира не только точкой отсчета истории Руси, но и началом ее славы и величия.

Русь обрела в христианстве элементы общности: общие догматы, литургийное предание, церковный язык и литературу, письменное право, социальные реформы, основанные на общих заповедях любви и человеколюбия. Единство политического и церковного управления во главе с великим князем и митрополитом способствовало консолидации русского народа. Племенное самосознание постепенно утрачивалось (этноним «дреговичи», например, последний раз упоминается в летописи под 1149 годом, «кривичи» – под 1162, «радимици» – под 1169) и возникло единое этническое самосознание для всех восточных славян, населявших Русь, Русскую землю и называвших себя общим именем – русские [4, с. 70].

Единство Руси, ее земель и населения – главная идея произведений всех известных древнерусских политических и церковных деятелей. Так, Даниил – уроженец Черниговщины, автор «Хождения в Палестину», которое было написано не позже 1113 года, называл себя игуменом «Русския земли». Он поставил лампаду над «гробом господним» «за вся князя наши

и за всю Русскую землю, за вся христиана Русския земли». Среди русских князей, за которых молился Даниил, назван и минский князь Глеб Всеславич (1101–1119) [5, с. 128–129]. Знаменитый проповедник Кирилл Туровский (около 1130–1185), согласно «Памяти», написанной неизвестным автором вскоре после смерти святого, был «рожден и воспитан града та Турова в Русской стране и тако нарицаема» [6, с. 296].

Гениальный автор «Слова о полку Игореве» с глубокой сердечной болью за народ рисует картины тех бедствий, которые причинила Руси междоусобная борьба князей за земли, за власть: «Черна земля под копыта костыми была посеяна, а кровью поляна: тугою взыдоша по Русской земле» [7, с. 15–16].

В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского встречаем целый ряд сообщений о походах полоцких князей и зависимых от них князей Ерсики и Кокнесе на крепости и замки Ливонского ордена. Во всех этих известиях полоцкие и их вассальные князья, их дружины, городское ополчение и просто полоцкие купцы и «военные люди» называются русскими [8]. И подобных примеров можно привести множество.

Приняв православие, древняя Беларусь, как и Русь Восточная и Южная, вошла в экумену византийской цивилизации, полностью восприняв ее систему культурных ценностей, верований, интеллектуальных, эстетических и духовных достижений. Однако наследие это легло на мощный пласт собственной славянской культуры, что не могло не привести к серьезной трансформации привнесенного духовного вклада. Так было положено начало близкому, но все-таки новому православно-русскому цивилизационному процессу (*slavia orthodoxa*), на формирование которого большое влияние оказала и древняя Беларусь (Западная Русь) X–XIII веков.

Важнейшей основой этого процесса стало не только образование молодого государства, объединенного династией Рюриковичей, но и возникновение духовной,

ТЕПЛОВА Валентина Анатольевна.

Родилась в г. Горький (ныне Нижний Новгород). В 1962 году окончила историко-филологический факультет Горьковского университета по специальности история. До 1976 г. старший преподаватель, доцент Горьковского государственного университета. С 1976 года в Белорусском государственном университете, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. С 1992 г. преподает в Минской духовной академии и Минской духовной семинарии, с 2000 г. профессор кафедры церковной истории МДА.

Кандидат исторических наук (1966), доцент.

Автор ряда учебников и учебных пособий для средней и высшей школы Республики Беларусь, а также сборника «Уния в документах» (1997) с обширной вводной статьей «Брестская церковная уния. Предыстория, причины и следствия». Сотрудничает как автор и рецензент в «Православной Энциклопедии» (Москва).

Сфера научных интересов – политическая и церковная история Восточной Европы.

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси со Слуцким Евангелием

культурной общности, главная заслуга в создании которой принадлежит Русской православной церкви. Полочанин и киевлянин, новгородец и псковитянин, житель Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси, приходя в православный храм на молитву и слушая поминовение митрополита Киевского и всея Руси на родном языке, безусловно проникался чувством национального самосознания, принадлежности к единой культуре.

Общими для всей Руси были и те глубокие внутренние процессы духовного возрождения, которые произошли в связи с принятием православия. В сознании народа вырабатывались новые представления, идеи, понятия. В этом духовном самосовершенствовании особенно выделялись религиозно настроенные люди, которые оставляли свои дома и уходили в уединенные места для молитвы и подвижнической жизни, становились монахами. В числе их были как выходцы из знати, так и простолюдины. Монашество привлекало многих своею нравственной строгостью и молитвенным подвигом.

Белорусский народ сохранил имена прославившихся своей святостью подвижников, передавая память о них из поколения в поколение. Все они причислены Русской православной церковью к лику святых. Среди них – три полоцких епископа Мина, Дионисий и Симеон, игуменья Спасо-Преображенского монастыря

преподобная Евфросиния, епископы туrowsкие Кирилл и Лаврентий, пустынник Борисоглебского монастыря преподобный Мартин. В Смоленске прославились святостью своей жизни преподобный Авраамий, преподобный Ефрем, святой Андрей, князь Смоленский. В Вильнюсе сохраняются мощи святых мучеников Антония, Евстафия и Иоанна, в Бресте – игумена Симеоновского монастыря святого Афанасия, в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе – святой Софии, княжны Слуцкой. До сегодняшнего дня удивление вызывает беспримерное мужество архиепископа Георгия Конисского, поднявшего свой голос в защиту православия в те трагические времена, когда, казалось, дни веры в Беларуси сочтены.

Большую роль в духовно-нравственном становлении белорусского народа играли монастыри, представлявшие собой средоточие культуры и просвещения. Есть основания предполагать, что число их было достаточно велико: по одному или даже несколько в каждом епископском городе.

Одним из первых на территории Беларуси следует считать монастырь в Изяславле (Заславль), построенный княгиней Рогнедой, в котором она и приняла иночество под именем Анастасии. Почти при каждом монастыре размещались школы и библиотеки, велось летописание, составлялись жития святых. Именно отсюда по всей земле русской расходилось слово Божие. В монастырях древней Туровской епархии было создано Туровское Евангелие, здесь творил знаменитый проповедник и писатель XII века Кирилл Туровский, которого современники называли «Златоустом, паче всех воссиявших на Руси». Его молитвы, поучения и «Слова» вошли в состав многих сборников наряду с сочинениями византийских богословов и проповедников. Неподалеку от Полоцка, в Спасском монастыре, в котором совершала свой молитвенный и просветительский подвиг преподобная Евфросиния, переписывались книги, в школе при нем обучались дети [9, с. 26–41].

История средневековых русских православных монастырей обнаруживает неукоснительную верность византийским образцам. И все-таки нельзя отрицать того факта, что с течением времени византийское христианство приобрело на Руси отчетливую местную окраску. И не в результате произвольного отбора, а главным образом благодаря сознательному выделению определенной стороны византийской традиции, подчеркиванию каких-то отдельных добродетелей и образцов поведения как заслуживающих особого восхищения. Широко распространенный и популярный в народе на всем обширном пространстве Руси культ святых князей Бориса и Глеба, канонизированных уже в 1072 году, основывался на убеждении, что невинная жертва убийства есть мученик. Этот культ не находит параллели в Византии и может служить примером того сочувствия людским страданиям, которое во всей русской православной истории было одним из высокочтимых качеств.

Широкое распространение на Руси, в том числе и Белой, получило целование креста как подтверждение обязательств, взятых на себя тем или иным лицом, нередко княжеского достоинства. Летописи сохранили интересные сведения о современном восстания в Киеве 27 сентября 1068 года, когда великий князь киевский Изяслав вынужден был бежать из города, а повстанцы посадили на престол освобожденного из «поруба» полоцкого князя Всеслава. Киевляне восприняли эти события как кару Божью за нарушение старшими Ярославичами крестного целования, имевшего место год назад под Оршей, когда поверивший клятве полоцкий князь был взят в плен. Летописец подчеркивает, что Всеслав, находясь в тюрьме, обратился за помощью к кресту со словами: «О, Святой Крест, так я верил в тебя, избавь меня от этой ямы». Бог показал силу креста, освободив невинного из неволи. По убеждению летописца, крест избавляет от несчастий каждого, кто обращается к нему с верой.

На территории Беларуси христианский праздник Воздвижение Креста Господня приобрел особое звучание. Приверженность почитанию креста подтверждается находкой уникальной каменной иконки с образами св. Константина и св. Елены, держащих перед собою большой крест. В этой связи нельзя не упомянуть замечательное художественное изделие XII века – знаменитый крест Евфросинии Полоцкой, выполненный по ее заказу гениальным мастером Лазарем Богшей. Утерянный крест по благословию Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета возвращен к жизни нашим талантливым современником художником Николаем Кузьмичом.

Православие определило сущность средневековой культуры Беларуси и тем самым связало ее с культурным миром всего славянства и других христианских народов Востока и Запада. Нет ни одного вида или направления искусства, который бы складывался вне этого контекста.

Школа, книга и просвещение на протяжении многих столетий (вплоть до XVIII века) оставались исключительно церковными. Архитектура, живопись, хоровая музыка, литература, декоративное искусство, шитье и, конечно, политическая мысль и богословие древней Беларуси соответствовали ценностям мирового цивилизационного процесса. Однако во всех сферах древнебелорусской культуры существовало своеобразие, позволяющее говорить о местных традициях и школах. Особенно отчетливо они проявились в архитектуре. Церковное зодчество, к вершинам которого принадлежат храм Святой Софии в Полоцке, Спасо-Преображенский, Благовещенский и Борисоглебский (Коложский) храмы, свидетельствует о появлении новых

В келье преподобной Евфросинии Полоцкой

Памятник Кириллу Туровскому в Турове

ЛИТЕРАТУРА

1. Густынская летопись / [отв. ред. В.А. Кучкин; ред. Л.Л. Муравьева, А.М. Панченко; текст подгот. Ю.В. Анхимюком, С.В. Завадской, О.В. Новохатко, А. И. Плигузовым; указ. сост. Т. В. Елисейевой; изд. подгот. при участии О.В. Сидорович, А.Н. Казакевича, Д.М. Буланина]. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.
2. ПСРЛ. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Санкт-Петербург, 1862 – (фото-типич. воспроизведение – Т. 9–10. М., 1965).
3. Заяц, Ю.А. Распространение христианства в городах Полоцкой земли (по материалам археологии) / Ю.А. Заяц // Тэзісы навук. канф., прысв. 1000-годдзю Полацкай епархіі і Праваслаўнай царквы на Беларусі. – Минск: Беларускай Праваславнай Царквы. Ответственный за выпуск А.А. Петрашкевич, 1992.

архитектурных направлений, сформировавшихся на основе принципиальной переработки византийско-древнерусских традиций. По-видимому, через Смоленск, Новгород, Псков, Чернигов и другие города особенности этих архитектурных стилей осваиваются всей Древней Русью, а с XV века получают воплощение в Москве. Об этом свидетельствует архитектура Спасо-Преображенского собора

Андроникова монастыря (1427) и Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (1423). Апогей развития полоцких архитектурных традиций на русской основе – церковь Вознесения в селе Коломенское под Москвой, построенная в 1532 году [10]. Таким образом, древняя Беларусь не только принадлежала к православно-русской цивилизации, но и являлась ее колыбелью, оказывая заметное воздействие на культуру Южной и Восточной Руси.

Православная вера не утратила своего культурообразующего значения и во второй половине XIV – XVI веках, когда на белорусских землях все большее влияние стали приобретать новые западные культурные и духовные ценности. Именно православие содействовало консолидации белорусского этноса, сохранению древней духовной традиции, осмыслению культурного и этнического своеобразия в сравнении с ближайшими соседями – литовцами, евреями, татарами, поляками.

И в новых условиях начавшихся ограничений православная вера по-прежнему способствовала распространению и сохранению в Великом княжестве Литовском XIV–XVI веков основного эндоэтнонима «русин», «русский», «Русь», «русские люди». Не случайно в подавляющем большинстве самых разнообразных источников того времени Православную церковь называют «русской», а православное на-

селение – «русским». Служению этой культуре была посвящена деятельность великого Ф. Скорины и его последователей на поприще книгопечатания – И. Федорова и П. Мстиславца. Ее развитию отдана жизнь князей Острожских, иноков Супрасльского монастыря, выступивших в защиту православных духовных и культурных ценностей.

В эпоху контрреформации, когда в результате решений Брестского церковного Синода (1596) православие было поставлено вне закона, когда белорусский язык, оставшийся только языком народа, теряет свой государственный статус, начинается длительный процесс денационализации Беларуси [11, с. 640–651]. В этих условиях православная вера и Православная церковь становятся важным фактором национального самосохранения, духовного и культурного развития, одной из форм выражения которого стало братское движение. Православные братства и действующие при них типографии и школы, существовавшие во всех крупных городах Беларуси, сыграли выдающуюся роль в сохранении самобытности белорусского народа. Они первыми стали печатать и использовать в учебном процессе книги и учебники. Изучались не только письмо, чтение и богословие, из них также можно было почерпнуть сведения по истории, географии, астрономии, риторике, диалектике и другим наукам. Среди этих книг – «Библия Руска», «Псалтырь», «Апостол» и «Подорожная книжица» Ф. Скорины, «Евангелие учительное» П. Мстиславца и И. Федорова, «Грамматика славянского языка», изданная в типографии братьев Мамоничей, «Диалектика» А. Курбского и прочие. Выдающимися деятелями братского движения в Беларуси были Стефан Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Леонтий Карпович. Именно благодаря им православно-русская культура Беларуси создала шедевры, и поныне удивляющие своей самобытностью.

К ним, несомненно, относится православная полемическая и богословская литература. Среди такого рода работ особой страстностью выделяются «По-

слание до латинян из их же книг», анонимно вышедшее из стен Супрасльского монастыря, «Ключ царства небесного» Г. Смотрицкого, «Казанье Св. Кирилла, патриархи Иерусалимского» Стефана Зизания, «Апокрисис» Христофора Филалета, «Фринос, или плач церкви восточной» Мелетия Смотрицкого, «Палинодия» Захария Копыстенского, большая часть которых была приговорена к уничтожению властями Речи Посполитой. Глубина и сила древней православно-русской культуры Беларуси позволили ей не только сохраниться в сложных для нее XVII–XVIII веках, но и благотворно влиять на культуру соседней России. Белорусские мастера золотых и серебряных дел, резчики по дереву и камню, по технике рельефных многоцветных изразцов были хорошо известны в Москве эпохи Алексея Михайловича. Учебная литература, предназначенная для православных школ Беларуси, выполняла свою просветительскую миссию и в православной России, а опыт работы православных учебных заведений, в том числе и высших, послужил мощным стимулом для развития просвещения в России. Недаром М.В. Ломоносов даже в середине XVIII века «Граматику славянскую...» Мелетия Смотрицкого называл «воротами моей учености» и опирался на нее при создании собственной грамматики. И даже раскол Русской православной церкви, ставший не в последнюю очередь следствием белорусско-украинского культурного влияния на Московскую Русь, не воспрепятствовал осознанию культурного единства, принадлежности к одному цивилизационному процессу, выразившемуся во взаимодействии православной культуры Руси Белой и Великой. Особенно ярко эта связь проявилась в творчестве св. Афанасия Брестского (Филипповича). Для православно-русской культуры на Беларуси, которая, казалось, к концу XVIII века прекратит свое существование в результате беспрецедентного давления, осуществлявшегося правящими кругами Речи Посполитой, ситуация изменилась после включения Беларуси в состав Рос-

сийской империи. Деятельность св. Георгия Конисского и его окружения дали новый импульс ее развитию. Одно из наиболее плодотворных проявлений изучаемого культурного феномена в XIX и начале XX века – православная историко-церковная школа. Ее появление было вызвано не только процессом зарождения православной белорусской интеллигенции с ее обостренным чувством прошлого и глубоким интересом к тому историческому пути, который прошли более чем тысячелетнего существования, но и восстановлением традиций *slavia orthodoxa*. Не случайно именно в это время появляются фундаментальные труды, раскрывающие сложные, подчас трагические страницы истории Православной церкви Беларуси. Так, с именем Иоанна Григоровича связана публикация произведений архиепископа Георгия Конисского со вступительной статьей, объясняющей значение жизни и деятельности архиепископа Могилевского [12], сборников документов: «Белорусский архив древних грамот» [13] и первых четырех томов «Актов Западной России» [13]. Дело, начатое архиепископом Георгием (Конисским) и продолженное протоиереем Иоанном Григоровичем, дальнейшее развитие получило в трудах профессора Санкт-Петербургской духовной академии уроженца Беларуси М.О. Кояловича и его последователей. Среди представителей этого направления следует назвать П.Н. Жуковича, В.З. Завитневича, И.Я. Киприановича, К.В. Харламповича, А.И. Шавельского, В.П. Сапунова и многих других. Интерес к истории Беларуси, свойственный работам представителей этой исторической школы вернул после долгого забвения важные страницы ее прошлого, православные духовные и культурные ценности, актуализировал осознание принадлежности к единому этнокультурному процессу. И в этом состоит их главная заслуга. Имеющая глубокие исторические традиции, православная культура Беларуси живет и развивается. ■

4. Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии. Новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Минск: Беларусь, 1991.
5. Палестинский сборник. – Санкт-Петербург, 1885. – Т. I. – Вып. 8–9. С. 128–129.
6. Евгений, епископ. Творение святого отца нашего Кирилла епископа Туровского... – Киев, 1880.
7. Слово о полку Игореве. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1971.
8. Латвийский, Генрих. Хроника Ливонии / Генрих Латвийский. – Москва – Ленинград: АН СССР, 1938.
9. Повесть жития и преставления святых и блаженных и преподобных Еуфросинии, игуменьи монастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере ... // Книга жыццй і хаджэнняў / Уклад., прадм. і каментарыі А. Мельнікава. – Мінск: Мастац. літаратура, 1994.
10. Якімовіч, Ю.А. Полацкая школа дойлідства і яе гістарычны лёс / Ю.А. Якімовіч // Тэзісы навук. канф., прысв. 1000-годдзю Полацкай епархіі і Праваслаўнай царквы на Беларусі. – Мінск: Беларуская Праваслаўная Царква. Ответственный за выпуск А.А. Петрашкевич, 1992.
11. Левшун, Л.В. О слове преображенном и слове преображающем / Л.В. Левшун. – Минск: Беларуская Праваслаўная Царква, 2009.
12. Конисский, Г. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа белорусского с портретом и жизнеописанием его. Изд. Иоанном Григоровичем / Г. Конисский. – Санкт-Петербург: тип. Рос. акад., 1835. – Ч. 1 и 2.
13. Белорусский архив древних грамот. [С предисл. И. Григоровича]. Ч. I. – Москва: тиография Селивановского, 1824. – 148 с.